

КАК РАЗВЕЯТЬ ТУМАН НАД ПРОШЛЫМ? ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕТИ, ИХ ОТЦЫ-СОЛДАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е.С. Любомирова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Россия, 105066, Москва, улица Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3.

Статья посвящена новым аспектам изучения истории послевоенной Германии, показанным на примере монографии Сабины Боде «Послевоенные дети – рождённые в 1950-е годы и их отцы-солдаты». Автором раскрывается методология и структура исследования. Положительно оценён вклад, сделанный Боде в изучение ментальных и психоэмоциональных последствий Второй мировой войны и «вытеснения прошлого», которые ярко прослеживаются в судьбах послевоенных детей и продолжают оказывать влияние на общественно-политическую жизнь ФРГ вплоть до сегодняшнего дня. Критике подвергнут чрезмерный уход автора в сторону описания отдельных биографий в ущерб аналитической составляющей работы.

Ключевые слова: история, историография, воспитание, воспоминания, послевоенные дети, последствия Второй мировой войны, конфликт поколений, психологическая травма, преодоление прошлого, ФРГ.

Во второй половине 1950-х гг. ФРГ в основном удалось преодолеть многочисленные тяжелейшие последствия Второй мировой войны. Благодаря реформам министра финансов Людвиг Эрхарда страна была на подъёме [6, с. 34-36; 9, с. 49-60; 15, с. 70-101]. Реальный рост благосостояния и покупательной способности рядовых граждан, благодаря которым они могли себе позволить то, что раньше было привилегией лишь немногих состоятельных людей (например, покупку автомобиля или поездку в соседние Австрию и Италию), появление в 1957 г. динамической ренты, сокращение продолжительности рабочего дня – все эти моменты отчётливо указывали на то, что тяготы послевоенного времени наконец-то остались позади [7, с. 4-5]. ФРГ вступила в эпоху «сытости» (*leisure society*), стабильности, потребления и экономического процветания. Так что послевоенные дети – те, кто родился в 1950-е гг., – казалось, могли спокойно расти в условиях «всеобщего благоденствия» и пользоваться плодами «экономического чуда». Однако несколько мирных лет оказались слишком маленьким сроком для того, чтобы их родители смогли забыть ужасы Второй мировой войны, массовых убийств и смерти, взрывов и бомбардировок, плена, физического и эмоционального насилия, залечить свои душевные раны и вернуться к нормальной жизни. То, что психологические травмы «отцов», которые после войны лишь внешне перешли к мирному распорядку дня, не могли не повлиять на становление, характер и судьбы «детей», выросших «в тени» войны и её последствий [2], показано в монографии Сабины Бодде (Sabine Bode) как на примере биографий отдельных людей, так и в более широком, общественном контексте.

Данная монография – третья в серии исследований Бодде о на первый взгляд невидимых, но оттого не менее трагических последствиях Второй мировой войны. Первая книга – «Забытое поколение. Дети войны прерывают своё молчание» [3] – рассказывала в культурно-историческом и психологическом ключе о детстве, психологических травмах, эмоциональных особенностях и жизненных судьбах тех, кто родился в Германии во время и сразу после Второй мировой войны. Она вызвала большой резонанс: во время авторских чтений и в многочисленных письмах одни читатели, принадлежавшие к «забытому поколению», делились своими жизненными историями, другие, не являвшиеся целевой группой исследования, просили Бодде написать и об их поколениях. Вторая книга – «Внуки войны – наследники забытого поколения» [4] – была посвящена детям детей войны, так называемым «внукам войны», которые, несмотря на то, что родились в 1960–1970-е гг. и напрямую событиями Второй мировой войны никак затронуты не были, всё же ощущали на себе мощные отголоски её разрушительной силы. Данная, третья книга – «Послевоенные дети – рождённые в 1950-е годы и их отцы-солдаты»

[5] – о поколении тех, кто в своё время принимал участие в студенческих протестах 1968 г., закрывает этот пробел между «детьми» и «внуками» войны. Между тем, это книга Бодде и о самой себе, поскольку она тоже считает себя частью послевоенного поколения (прим. автора – Сабина Бодде родилась в 1947 г.) [там же, с. 12].

Монография состоит из восьми глав, в которых на основе собранного ею материала Бодде изучает как индивидуальные жизненные ситуации и судьбы послевоенных детей, так и их коллективное детство вообще. Пять из восьми глав завершаются подробными, почти дословно опубликованными интервью с респондентами или с людьми, также занимавшимися проблемой преодоления прошлого. Большим подспорьем для читателя служит список релевантных книг по теме исследования [5, с. 299-302].

Первая глава «Война закончилась, но была везде» [5, с. 13-32] носит вводный характер. Автор начинает с небольшого рассказа о своём детстве и юности, о непростых взаимоотношениях с родителями, о «чёрной педагогике» школьных учителей, вписывая свои воспоминания в общественно-политический и ментальный контекст «гнетущей эпохи» (*die bleierne Zeit*). Тем самым Бодде постепенно подводит читателя к главным вопросам исследования: механизм перенятия «детьми» вины «отцов» и преодоление национал-социалистического прошлого. Что скрывалось за молчанием отцов-солдат? Что они знали? Чем занимались в войну? Кем они были: преступниками или жертвами, или же и теми, и другими одновременно? Как Вторая мировая война повлияла на немецкие семьи? Что она оставила «в наследство» не только отцам-солдатам, но и их потомкам? [5, с. 25] Автор пытается найти ответы на эти и многие другие вопросы вместе с «послевоенными детьми». При этом Бодде делит их на две категории: родившиеся до 1953 г. («рано рождённые») и после («поздно рождённые») [5, с. 23]. Первые с детства были окружены руинами полуразрушенных городов и имели много общего с «детьми войны». И хотя они спрашивали родителей о войне не так настойчиво как «поздно рождённые», но и они тоже стремились узнать от родителей больше о тех событиях, чтобы наконец-то избавиться от оставленного им «в наследство» тягостного чувства вины. Главную трудность в этом процессе Бодде видит в том, что у «рано рождённых» стыд за преступления отцов накладывался на ещё не сломленное чувство национального самосознания, в то время как рождённые после 1953 г. ощущали вину и ответственность уже просто за сам факт того, что они родились немцами [5, с. 24].

Вторая глава посвящена «хорошо вытесненному прошлому» [5, с. 33-62]. На основе ряда проанализированных ею интервью с «послевоенными детьми» из полных семей (отец вернулся с фронта/из плена, все живут вместе) Бодде выявляет ряд семейных наивно-психологических «стратегий», направленных на то, чтобы члены

семьи могли хоть как-то справиться с военным опытом отца-солдата и эмоционально не разрушиться от этого. Одна из них заключалась в полном отрицании самого чувства вины, активном вытеснении неизбежно возникающего при этом внутреннего конфликта на задворки сознания и перекалывании всей ответственности на политические обстоятельства (например: шла война, нам нужно было обороняться от русских). Другая «стратегия» создавала в семье повышенный интерес к политике и искусственную атмосферу свободной дискуссии с одной стороны при полном выведении за скобки личных чувств и эмоций её участников с другой (например, всяческое отрицание родителями права детей-подростков испытывать гнев по отношению к национал-социалистически настроенным учителям). На мой взгляд, обе стратегии лишь способствовали более глубокому и активному вытеснению из памяти событий прошлого и демонстрировали психоэмоциональную неготовность членов таких семей встретиться с самими собой и работать с собственными эмоциями и воспоминаниями.

Заголовки третьей и четвертой глав – «Дочери отца» [5, С. 63-114] и «Сыновья в тени» [5, С. 115-152] соответственно – говорят сами за себя. В них очерчивается профиль конфликта поколений. С одной стороны – эмоционально холодные, недоступные отцы, похоронившие в себе груз воспоминаний о войне и плене, о преступлении и соучастии в национал-социалистической диктатуре. С другой – глубоко неуверенные в себе, депрессивные и ощущающие себя никчёмными дети, которым очень не хватало доверительных отношений, поддержки, положительного примера и ориентиров со стороны отца.

Интересно отметить, что сами отцы имели весьма смутное представление о своих детях, об их мыслях и чувствах, которое сочеталось с наивной уверенностью в том, что они прекрасно их понимают, так как... живут с ними под одной крышей! На деле же они не знали собственных детей, не могли представить себе их чувства, не понимали, чего они хотят [10, С. 90]. Отцы, считавшие, что главной добродетелью подрастающего поколения должна быть сдержанность во всём, привыкшие к авторитарному стилю «воспитания» окриками и приказами и ожидавшие в ответ беспрекословного, почти верноподданнического послушания, были в эмоциональном плане «подслеповатыми» и фактически обращали внимание на детей лишь тогда, когда те начинали вести себя плохо, тем самым лишь подкрепляя их «нежелательное» поведение. Этот эффект «непреднамеренного обучения» сработал, в частности, во время молодёжных беспорядков середины 1950-х гг. (Halbstarken-Krawalle), когда бунт стал одной из форм самовыражения молодёжи, а также частично в студенческих протестах 1968 г. Молодёжь толкало на улицу непонимание со стороны взрослых, стремление освободиться от их удушающего контроля, отчаянный поиск позитивных фигур, с которыми

она могла бы себя идентифицировать, а также гораздо меньшая по сравнению со старшим поколением приверженность идее порядка [13].

Пятая глава «Следователь по собственному делу» [5, С. 153-194] показывает, что происходит, когда проблема «отцов и детей» тесно переплетается с наболевшим вопросом коллективной вины и ответственности, а «сытое поколение» детей, для которых война и национал-социализм были не неотъемлемой частью собственной биографии, а неприятным и постыдным фактом из жизни их родителей, обсуждение и даже простое упоминание которого было в обществе под негласным запретом [1], всё-таки пробирается сквозь густой туман молчания и получает ответы на свои настойчивые вопросы.

Выросшие дети не могли и не желали мириться с «бегством от прошлого» и приступами коллективной амнезии исторической памяти у старшего поколения [12, С. 148], с тем, что – как это было представлено в одноименном фильме – «убийцы среди нас», а общество своим замалчиванием сознательно их покрывает, зачитывается мемуарами о боевых подвигах вермахта и до сих пор не решается преодолеть прошлое.

Осознание того, что преступником может оказаться кто угодно – известный политик, врач в поликлинике, сосед по лестничной клетке и даже собственный отец – подтолкнуло людей к тому, что они начали активно доставать «скелеты из шкафов», страхивая «тысячелетнюю пыль» с запретных тем, осуждая родителей и общество за пассивное поведение «попутчиков» (Mitläufer) и фактическое соучастие в преступлениях Третьего рейха. После дела Эйхмана и первого франкфуртского процесса над персоналом концлагеря Освенцим молодёжь, подстёгнутая юношеским максимализмом, с инквизиторской дотошностью стала копаться в коричневом прошлом «отцов», невзирая на звания и авторитеты [14, С. 72-74]. Как отмечал Юрген Хабермас, молодое поколение стремилось «рассчитаться с коллективным уклонением немцев от исторической ответственности за национал-социализм и его мерзости» [8, С. 180]. Главный вопрос молодёжи: «а чем Вы занимались между 1933 и 1945 гг.?» – подталкивал «отцов», прежде тщательно уклонявшихся от обсуждения подобных тем, к тому, чтобы постепенно пролить свет на тёмные пятна своего прошлого и признать собственное нравственное поражение.

Сабина Боде показывает, что для послевоенных детей подлинная работа над прошлым состоит не в том, чтобы осудить своих родителей, потребовать от них подробный отчёт о содеянном (хотя это тоже является неотъемлемой её частью) и на этом остановиться. Тем более что зачастую многие из них подводят итоги лишь ретроспективно, поскольку их отцов уже давно нет в живых. Важно понять, что они в итоге могут им простить, а что – нет. Как сказала одна из респонденток, она не может простить своему отцу одного: то, что он «прямо и косвенно сделал

с жертвами. Здесь проходит абсолютная граница любой семейной работы [над прошлым]». [5, С. 178].

В завершающем главу интервью историк Зёнке Найтцель (Sönke Neitzel) пытается найти ответ на вопрос, на каком менталитете основывались кампании на уничтожение целых народов, и какую роль в этом процессе играли солдаты вермахта [5, С. 179-194]. Он приходит к выводу, что вермахт был частью преступной национал-социалистической системы, а для солдат на войне главными были два момента – точное выполнение приказов (любых) и выживание (также любой ценой); о том, что при этом будет с евреями или с блокадниками Ленинграда, они предпочитали не задумываться [5, С. 182-183]. В итоге он констатирует: «Такого о собственных родителях не хочет знать никто. Молодыми мы бы не выдержали тяжести правды. Должны ли мы поблагодарить отцов за молчание?». [5, С. 193]. Эти слова заставляют задуматься: сколько страшной правды о том времени мы готовы услышать? И действительно ли мы этого хотим?

В шестой главе «Вариант ГДР» [5, С. 195-218] Сабина Боде предоставляет слово пастору Вольфраму Хюльзemannу (Wolfram Hülsemann), который рассказывает о своём отце-солдате, о церковной оппозиции, об отношении к ГДР и периоду национал-социализма. Интервью заканчивает около двух третей главы [5, С. 206-218].

Седьмая глава «Послевоенное время и дрессировка детей» [5, С. 219-276] посвящена возвращению «чёрной педагогики» и типичным «методам» воспитания послевоенных детей. Автор наглядно показывает повседневность поколения, которую нынешняя немецкая молодёжь вряд ли сможет себе представить, и это во многом заслуга всех тех, кому удалось запретить насилие в воспитании. Жестокие и агрессивные отцы, которые постоянно стыдили, обесценивали, унижали и часто били своих детей, вплоть до тяжких побоев. Подавленные и нередко запуганные матери, которые не оспаривали патриархальное распределение ролей и лишь иногда защищали своих детей от насилия отцов. Именно в такой тяжёлой атмосфере, где царили страх, психоэмоциональное напряжение, ощущение себя «недостаточно хорошими» для того, чтобы наконец-то «заслужить» благосклонность отцов, а также постоянное ожидание новых наказаний, и пришлось расти послевоенным детям, которым нередко приходилось брать на себя роль взрослого и быть родителями своих родителей. И никакие блага «экономического чуда» и красивая картинка внешнего «благоденствия» не могли компенсировать эти душевные травмы и дать детям то внутреннее чувство собственного достоинства, защищённости и базового доверия к миру, которое должно было сформироваться в раннем возрасте в семье.

Главной заповедью в послевоенных семьях было молчание: упорное молчание о национал-социализме и о соучастии родителей в нём. Кто

из послевоенных детей, особенно «рано рождённых», спрашивая отцов о том, что конкретно происходило в годы войны, не слышал в ответ пресекающих такие расспросы фраз «немедленно перестань», «ты ещё для этого слишком мал» или «ты этого ещё не понимаешь»? Любые вопросы – даже такие маленькие и безобидные, как «а тяжело быть солдатом, когда у тебя нет отпуска?» и т.д. – либо вовсе оставались без ответа, либо окутывались таким туманом неполноты и полуправды, что во многих случаях все вопросы рано или поздно прекращались.

Стоит отметить, что такая «стратегия» замалчивания, характеризовавшая не только отдельные немецкие семьи, но и всё общество в целом, довольно долго лишь смутно осознавалась послевоенными детьми [5, С. 270]. Зачастую лишь на середине жизненного пути они начинали посещать индивидуальные или групповые занятия по психотерапии, которая рассеивала туман, лежащий на их детстве. Психотерапевт Юрген Мюллер-Хохаген (Jürgen Müller-Hohagen, 1946 г.р.) в завершающем главу интервью описывает, как этот туман порой мог окутывать целые города, например, Хоэнлимбург в Рурской области [5, С. 259-277].

Заключительная восьмая глава носит говорящее название «Откуда приходят ориентиры?» [5, С. 277-296]. Как послевоенные дети научились различать, что такое хорошо и что такое плохо, если на их вопросы о прошлом отцы упорно молчали, матери поспешно отворачивались и смотрели в сторону, а старшие братья и сёстры, дяди и тёти, дедушки и бабушки либо жили слишком далеко от дома, либо умерли прежде, чем их можно было о чём-то расспросить? Как на немецкое общество повлияло то, что отцы, которые должны были быть положительным примером для своих детей и дать им жизненные ориентиры, были просто не в состоянии этого сделать? Какими путями нужно было идти послевоенным детям, чтобы всё-таки найти эти ориентиры в собственной жизни? Автор пытается найти ответы на эти непростые вопросы и, в конце концов, оставляет их без универсального ответа. Общение с отцами-солдатами было трудным, и послевоенные дети находили множество своих, индивидуальных ответов, в том числе и на дилемму о том, как любить отца, который не умеет любить самого себя.

После прочтения монографии остаётся двойное впечатление. С одной стороны, книга получилась очень эмоциональной, и многие немецкие читатели увидят в ней отражение собственных семейных историй. На примере отдельных биографий Сабине Боде удалось создать коллективный портрет целого поколения послевоенных детей и показать то, как война и её «долгие» последствия всё ещё отражаются на всём немецком обществе – ведь чем дальше травмирующее событие лежит в прошлом (там-и-тогда), тем больше места оно занимает в актуальном настоящем (здесь-и-сейчас). Об-

■ Рецензии

работанные интервью рисуют разнообразные картины отношений отцов и детей, показывают различные политические ориентации семей и стратегии замалчивания прошлого. Возникает дополненная объяснениями автора аутентичная картина того времени, которая даёт богатый материал для дальнейших исследований.

С другой стороны, монография представляет собой лишь довольно поверхностное введение в тему, в которой вопросов явно больше, чем ответов. В ней есть ряд серьёзных недостатков. Во-первых, она настолько ориентирована на самих послевоенных детей, что неискушённые читатели, не имеющие схожего жизненного опыта, возможно, не поймут в ней многие моменты, хотя, несомненно, смогут открыть для себя что-то новое.

Во-вторых, очень не хватает аналитической составляющей и интерпретаций материала самим автором. Трудно разобраться, чем принципиально отличается психологическая ситуация «послевоенных детей» от ситуации «детей войны» или «внуков войны», о которых Бодде тоже написала книги. Вместо собственного глубокого анализа механизмов передачи вины от поколения к поколению автор поместила интервью с двумя блестящими экспертами, но всё-таки хотелось бы увидеть и позицию самого автора. Кроме того, удивляет, что Бодде не использовала монографию Мичерлихов «Неспособность скорбеть» [11].

В-третьих, Бодде чрезмерно фокусирует своё внимание на отцах-солдатах, и зачастую идёт на поводу у послевоенных детей, которые всячески стремятся оправдать жестокое обращение со стороны отцов-солдат «военной травмой». Приводится их типичная «логическая» конструкция.

Когда отцы-солдаты вернулись домой, в стране не было ни развитой инфраструктуры, ни соответствующих специалистов-психологов, чтобы проработать с ними свои психологические травмы. Кроме того, у них на это просто не было времени: нужно было восстанавливать страну и кормить семью. Позднее собственные раны были прикрыты ковром благосостояния.

Вне всякого сомнения, многие дети пали жертвами жестокого воспитания, когда побои объявлялись нормой, унижения – необходимостью, а приказной тон – уместным. Но это «воспитание» имело мало общего с войной и её последствиями. В насилии всегда виноват насильник, а не какие-то внешние обстоятельства или «неправильное» поведение жертвы. Отцы-солдаты так бесчеловечно обращались со своими детьми не потому, что пережили Вторую мировую войну, недоедали (!) в плену и им было тяжело вернуться к мирной жизни, а потому, что в их картине мира такое поведение было нормальным. Они просто считали себя вправе так поступать. И отрицать это обстоятельство, на мой взгляд, было бы неправильным.

Монография Сабины Бодде рассчитана не только на специалистов – историков, психологов, политологов, но и на всех тех, кто хочет больше узнать о «долгих» последствиях Второй мировой войны, о том, как послевоенные дети видят сами себя, как они переживают своё детство, юность и конфронтацию с отцами-солдатами и медленно и мучительно развевают туман над прошлым, преодолевая его. И какую цену они в итоге заплатили за это преодоление. От руин Второй мировой войны дольше всего остаются руины души...

Список литературы

1. Смирнов Д.А. Опыт демократического воспитания в странах Европы (на примере политического образования ФРГ). [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgermhist.narod.ru/RusRaboti/RusSmirnov/Smirnovreportrus-2-01.htm> (дата обращения: 22.12.2016).
2. Alberti B. Seelische Trümmer. Geboren in den 50er- und 60er Jahren: die Nachkriegsgeneration im Schatten des Kriegstraumas. München: Kösel-Verlag, 2013. 207 S.
3. Bode S. Die vergessene Generation: die Kriegskinder brechen ihr Schweigen. Stuttgart: Klett-Cotta, 2013. 303 S.
4. Bode S. Kriegsenkel: die Erben der vergessenen Generation. Stuttgart: Klett-Cotta, 2013. 304 S.
5. Bode S. Nachkriegskinder: die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter / Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 1552. Bonn: bpb, 2015. 302 S.
6. Deutschland in den 50er Jahren. Informationen zur politischen Bildung. Heft 256. Bonn: bpb, 2012. 58 S.
7. Erlass über die Bundeszentrale für politische Bildung vom 24.01.2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bpb.de/die-bpb/51244/der-bpb-erlass> (дата обращения: 22.12.2016).
8. Frese M., Paulus J. Geschwindigkeiten und Faktoren des Wandels – die 1960er Jahre in der Bundesrepublik. In: Demokratisierung und gesellschaftlicher Aufbruch. Die sechziger Jahre als Wendezeit der Bundesrepublik. Paderborn: Schöningh, 2005. S.1-23.
9. Gagel W. Geschichte der politischen Bildung in der Bundesrepublik Deutschland 1945-1989/90. Wiesbaden: VS-Verlag für Sozialwiss., 2005. 344 S.
10. Hardach G. Die Wirtschaft der fünfziger Jahre: Restauration und Wirtschaftswunder. In: Die fünfziger Jahre. Beiträge zu Politik und Kultur / hrsg. von Dieter Bänsch. Tübingen: Narr, 1985. S.49-60.

11. Maase K. BRAVO Amerika. Erkundungen zur Jugendkultur der BRD in den 50er Jahren. Hamburg: Junius, 1992. 312 S.
12. Mitscherlich A., Mitscherlich M.. Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens. München: Piper, 1967. 369 S.
13. Reichel P. Politische Kultur in der Bundesrepublik. Opladen: Leske + Budrich, 1981. 288 S.
14. Schurian W. Jugendfeindlichkeit und die Angst vor der Unordnung // Psychologie und Gesellschaftskritik. № 8/1984. S.121-133. [Электронный ресурс]. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssao-208517> (дата обращения: 25.09.2016).
15. „Das Trauma ist universal“: Traumaforscherin über Flüchtlinge // taz vom 25.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taz.de/!5250266/> (дата обращения: 22.12.2016).
16. Weizsäcker R. von. Drei Mal Stunde Null? 1949, 1969, 1989: Deutschlands europäische Zukunft. Berlin: Siedler, 2001. 223 S.
17. Wolfrum E. Die 50er Jahre: Kalter Krieg und Wirtschaftswunder. Darmstadt: WBG, Wiss. Buchges., 2006. 144 S.

Об авторе

Любомирова Екатерина Сергеевна – преподаватель Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирантка кафедры Новой и Новейшей истории Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: katya1good@gmail.com.

Обзор монографии: Bode, Sabine. Nachkriegskinder: die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter / Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 1552. Bonn: bpb, 2015. 302 S.

HOW TO DISPEL THE FOG OVER THE PAST? POST-WAR CHILDREN, THEIR FATHERS-SOLDIERS AND CONSEQUENCES OF THE SECOND WORLD WAR

E.S. Lyubomirova

National Research University "Higher School of Economics", Old Basmanaya street, house 21/4, building 3, Moscow, 105066, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the new aspects in the study of the history of post-war Germany, revealed in the book written by Sabine Bode «Post-war children – born in the 1950s, and their fathers-soldiers». It discusses the contribution made by Bode in the study of mental and psycho-emotional consequences of the Second World War and the «exclusion of the past», which is reflected in the fate of the post-war children and continues to have an impact on the socio-political life of the Federal Republic of Germany up to the present day. Nevertheless the article criticizes an excessive preoccupation of the monograph with the descriptions of the individual biographies to the detriment of analysis.*

Key words: history, historiography, education, memories, the post-war children, the consequences of the Second World War, the conflict of generations, psychological trauma, overcoming the past, the Federal Republic of Germany.

References

1. Smirnov D.A. *Opyt demokraticheskogo vospitaniya v stranah Evropy* [Experience of democratic development in Europe]. Available at: <http://rusgermhist.narod.ru/RusRaboti/RusSmirnov/Smirnovreportrus-2-01.htm> (Accessed 25.09.2016). (In Russian).
2. Alberti B. *Seelische Trümmer. Geboren in den 50er- und 60er Jahren: die Nachkriegsgeneration im Schatten des Kriegstraumas*. München, 2013. 207 S. (In German).
3. Bode S. *Die vergessene Generation: die Kriegskinder brechen ihr Schweigen*. Stuttgart, 2013. 303 S. (In German).
4. Bode S. *Kriegsenkel: die Erben der vergessenen Generation*. Stuttgart, 2013. 304 S. (In German).
5. Bode S. *Nachkriegskinder: die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung*. Band 1552. Bonn, 2015. 302 S. (In German).
6. *Deutschland in den 50er Jahren. Informationen zur politischen Bildung*. Heft 256. Bonn, 2012. S.34-36. (In German).

■ Рецензии

7. *Erlass über die Bundeszentrale für politische Bildung vom 24.01.2001*. Available at: <http://www.bpb.de/die-bpb/51244/der-bpb-erlass> (Accessed 25.09.2016).
8. Frese M., Paulus J. *Geschwindigkeiten und Faktoren des Wandels – die 1960er Jahre in der Bundesrepublik. Demokratisierung und gesellschaftlicher Aufbruch. Die sechziger Jahre als Wendezeit der Bundesrepublik*. Paderborn, 2005. S.1-23. (In German).
9. Gagel W. *Geschichte der politischen Bildung in der Bundesrepublik Deutschland 1945-1989/90*. Wiesbaden, 2005. 344 S. (In German).
10. Hardach G. *Die Wirtschaft der fünfziger Jahre: Restauration und Wirtschaftswunder. Die fünfziger Jahre. Beiträge zu Politik und Kultur* / hrsg. von Dieter Bänsch. Tübingen, 1985. S.49-60. (In German).
11. Maase K. *BRAVO Amerika. Erkundungen zur Jugendkultur der BRD in den 50er Jahren*. Hamburg, 1992. 312 S. (In German).
12. Mitscherlich A., Mitscherlich M. *Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens*. München, 1967. 369 S. (In German).
13. Reichel P. *Politische Kultur in der Bundesrepublik*. Opladen, 1981. 288 S. (In German).
14. Schurian W. Jugendfeindlichkeit und die Angst vor der Unordnung. *Psychologie und Gesellschaftskritik*. 1984. № 8. S.121-133. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssor-208517> (Accessed 25.09.2016). (In German).
15. „Das Trauma ist universal“: Traumaforscherin über Flüchtlinge. *taz* vom 25.11.2015. Available at: <http://www.taz.de/!5250266/> (Accessed 22.12.2016).
16. Weizsäcker R. von. *Drei Mal Stunde Null? 1949, 1969, 1989: Deutschlands europäische Zukunft*. Berlin, 2001. 223 S. (In German).
17. Wolfrum E. *Die 50er Jahre: Kalter Krieg und Wirtschaftswunder*. Darmstadt, 2006. 144 S. (In German).

About the author

Ekaterina S. Lyubomirova – Lecturer at the School of History, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”, Postgraduate Student at the Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries, Faculty of History, Lomonossow Moscow State University.
E-mail: katya1good@gmail.com.

National Research University “Higher School of Economics”, Old Basmannaya street, house 21/4, building 3, Moscow, 105066, Russia.